

Д.А. Ананьев
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск, Российская Федерация

ИСТОРИЯ ОСВОЕНИЯ СОВЕТСКОЙ АРКТИКИ В ОСВЕЩЕНИИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА

Аннотация. В современных условиях Арктический регион является ареной острой международной конкуренции. Необходимость решения многочисленных политических, экономических, правовых и экологических проблем, связанных с регионом, заставляет переосмыслить исторический опыт его освоения. К изучению истории Арктической зоны России (прежде всего — советского периода) обращаются не только отечественные, но и зарубежные ученые. Цели статьи — проанализировать современные англоязычные публикации по истории освоения Советской Арктики; определить проблематику исследований; выявить основные тенденции в освещении темы в англоязычной историографии. Установлено, что в работах современных англоязычных исследователей (П. Джозефсон, Дж. Маккэннон, П. Хоренсма) рассматривается широкий круг проблем, связанных с историей Советской Арктики, в числе которых — проведение научных исследований, реорганизация системы управления и развитие экономики, проблемы экологии и коренного населения региона. Особое внимание уделяется выяснению роли СССР в определении международно-правового статуса Арктического региона (Н. Фогельсон, Дж. Маккэннон). В рамках «культурного поворота» в историографии конца XX в. западные исследователи проанализировали роль идеологии и пропаганды в конструировании «Арктического мифа», значение последнего в советской массовой культуре. Работа в российских архивах позволила современным западным историкам объективнее оценить реальные успехи

хи и неудачи в истории освоения Советской Арктики. Обобщая исторический опыт освоения российской Арктики в XX в., большинство западных авторов сходятся во мнении, что эффективное решение многочисленных проблем региона невозможно без полноценного международного сотрудничества.

Ключевые слова. Западная историография, Советская Арктика, полярные экспедиции, Главное управление Северного морского пути (ГУСМП).

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 19-09-00041 «Экономическое и социально-демографическое развитие арктических территорий СССР (1920-1980-е годы)».

Информация о статье. Дата поступления 30 сентября 2020 г.; дата принятия к печати 21 декабря 2020 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2020 г.

D.A. Anan'ev

*Institute of History, SBRAS,
Novosibirsk, the Russian Federation*

THE HISTORY OF THE SOVIET ARCTIC DEVELOPMENT IN THE ENGLISH-LANGUAGE HISTORIOGRAPHY OF THE LATE 20TH AND EARLY 21ST CENTURIES

Abstract. In the modern context the Arctic region is considered to be an arena for fierce international competition. The need to address numerous political, economic, legal and environmental issues, connected with this region, compels to rethink the historical experience of its development. The history of the Arctic Zone development made by the Russian Federation (particularly the Soviet period) has been studied both by Russian and foreign scholars. This paper intends to analyze the contemporary English-language publications on this topic; as well as to determine their subject matter and to identify the key trends in the English-language historiography of the Soviet Arctic development. The study has found that the contemporary English-speaking researchers (P. Josephson, J. McCannon, P. Horensma) consider a wide range

of issues related to the history of the Soviet Arctic. For instance, the scholars write about the conduct of scientific research, administrative reforms and economic development, as well as about environmental issues and problems of indigenous population of the region. The theme of clarifying the role of the Soviet Union in determination of international and legal status of the Arctic region has been emphasized in the literature studied (N. Fogelson, J. McCannon). In the context of the «cultural turn» in the late 20th-century historiography Western researchers (P. Horensma, J. McCannon) analyzed the role of ideology and propaganda in constructing «the Arctic myth», its significance for the Soviet mass culture. The access to the Russian archives and their availability allowed the modern Western scholars to conduct their researches there, that resulted in obtaining a more objective assessment of the real victories and failures in the development of the Soviet Arctic. Summarizing the historical experience of the Russian Arctic development in the late 20th century the majority of Western authors believe that only the full-scale international cooperation will make it possible to effectively address the problems of the region.

Keywords. Western historiography, the Soviet Arctic, Polar expeditions, Chief Directorate of the Northern Sea Route (GUSMP).

Research funding. The study was conducted with funding support from RFFI (Russian Foundation of Basic Research) in the framework of the project 19-09-00041 «Economic and Socio-Demographic Development of Arctic Territories of the USSR in the 1920s and 1980s».

Article info. Received September 30, 2020; accepted December 21, 2020; available online December 30, 2020.

В современных условиях Арктический регион, с его колоссальными природными богатствами, является ареной острой международной конкуренции. Устойчивый интерес к Арктике проявляют не только ведущие державы всего мира, но и такие влиятельные международные организации как НАТО и ЕС [1]. Необходимость решения многочисленных политических, экономических, правовых и экологических про-

блем, связанных с регионом, заставляет переосмыслить исторический опыт его освоения.

История Арктической зоны России привлекает внимание не только отечественных, но и зарубежных ученых. На Западе фундамент научного изучения темы заложили работы англо-американских специалистов, опубликованные в 1930-1950-х гг. и посвященные, в первую очередь, проблемам освоения Арктики в советский период [2]. Новый подъем интереса западных авторов к истории российской Арктики начался в 1980-х гг. и не ослабевает до настоящего времени. Цели статьи – проанализировать современные англоязычные публикации по истории освоения Советской Арктики; определить проблематику исследований; выявить основные тенденции в освещении темы в англоязычной историографии.

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг., когда на политической карте мира происходили радикальные изменения, вызванные попытками реформирования, а затем распадом Советского Союза, особую актуальность приобрели вопросы, связанные с определением международно-правового статуса Арктики. Анализу данной проблемы посвятила свои публикации американская исследовательница Н. Фогельсон (Университет Цинциннати), опиравшаяся на документальные источники из американских архивов, а также на работы западных специалистов [3; 4].

По определению Н. Фогельсон, Арктика – стратегически важный «фронт» между США, Канадой и Россией, а также территория, богатая природными ресурсами, необходимыми для развития торговли и военных технологий. Истоки существующих ныне международных противоречий, связанных с регионом, исследовательница обнаруживает в дискуссиях и конфликтах, разгоревшихся между ведущими державами вокруг арктических территорий в первой четверти XX в. Значительное внимание в работах Н. Фо-

гельсон уделяется участию в этих спорах царской, а затем и Советской России.

По наблюдениям автора, отчеты европейских и американских исследователей свидетельствуют о признании экономического и военно-стратегического потенциала Арктического региона уже в конце XIX в. После 1900 г. неуклонно росло число экспедиций, организованных странами, стремившимися утвердить свое официальное присутствие в тех районах Арктики, где были открыты месторождения полезных ископаемых, а также там, где предполагалось создание важных транспортных узлов. Метеорологические исследования показали, что погодные условия в температурной зоне Северного полушария испытывали влияние климатических условий в различных районах Арктики. Таким образом, арктические метеостанции в будущем смогли бы предоставлять ценную информацию компаниям, участвовавшим в трансокеанической торговле. Потребность в точных метеоданных возросла, когда появились планы по установлению постоянных трансарктических авиамаршрутов из Европы в Японию и Китай [3, p. 137].

Морские пути и воздушные трассы нуждались в базах для дозаправок и, как следствие, некоторые острова, расположенные вдоль этих маршрутов, приобрели стратегическое значение. В начале 1920-х гг. правительства, стремившиеся укрепить суверенные права на арктические территории, превратились, по словам Н. Фогельсон, в «покровителей научных экспедиций», использовавших свои базы и проекты по освоению природных ресурсов в качестве аргументов, подтверждающих претензии их стран на эти территории.

Одной из спорных территорий являлся Шпицберген, с его ценными угольными месторождениями. По условиям Брест-Литовского мира 1918 г., Германия была единственной державой, установившей контроль над Шпицбергенем. После поражения Германии в

Первой мировой войне о своих правах на остров вновь заявила Норвегия. В 1920 г. был заключен договор, закрепивший суверенные права Норвегии на Шпицберген, но оговаривавший право на доступ к залежам угля для всех стран, участвовавших в его добыче.

Советское правительство выступило против договора, так как не было допущено к его обсуждению и подписанию. В итоге Шпицбергенский (Свальбардский) трактат был ратифицирован без участия России. Учитывая, что договор защищал экономические интересы всех стран, Россия, по мнению Н. Фогельсон, не пострадала в экономическом смысле, но все же осталась в невыгодном положении в дипломатическом и стратегическом отношении. Главная проблема заключалась в отсутствии официального признания Советского государства (прежде всего, со стороны США) как субъекта международного права и игнорировании советских интересов в Арктике [3, p. 139].

По заключению Н. Фогельсон, долгие переговоры вокруг Шпицбергена были частью более широкого процесса. Исторически отношения между США, Европой и Азией развивались на основе использования торговых и транспортных путей, пересекающих океаны благодаря Панамскому и Суэцкому каналам. Новый взгляд на Арктический архипелаг Канады, Гренландию и Шпицберген как ценные транспортные базы и источники минеральных ресурсов заставили правительства ведущих держав внимательнее относиться к измерению расстояний между их территориальными владениями в высоких широтах. Как пишет американская исследовательница, «с перемещением на север, где меридианы сходятся, экспансия национальных держав приводила к конфликтам с соседями, имевшими там свои сферы интересов» [ibid, p. 142].

Конкуренция и подозрения, возникшие в отношениях между Канадой и США (по вопросу об островах Арктического архипелага), а также между США

и Россией (по вопросу о Шпицбергене), были в числе главных факторов, обусловивших активные исследования тихоокеанского сектора Арктики. Здесь следует, в первую очередь, упомянуть попытку канадца В. Стефанссона колонизовать остров Врангеля, где он рассчитывал создать поселение с населением в 10 тыс. чел. Выбор острова был обусловлен не только тем обстоятельством, что его акватория изобиловала рыбой, но и тем, что остров можно было использовать в качестве базы для прокладки арктических авиалиний. Это соответствовало распространенному в 1920-х гг. (как, впрочем, и в последующие десятилетия) мнению, что именно авиация станет ключевым элементом освоения Арктики в будущем.

Как замечает американская исследовательница, вопреки настойчивости, проявляемой В. Стефанссоном, канадское правительство испытывало колебания, не видя в колонизации острова Врангеля особого экономического смысла. В соответствии с тогдашней международной практикой, территориальное владение не обязательно давало исключительные коммерческие преимущества: другие страны также имели бы право использовать экономический потенциал острова. В свою очередь, такое же право было бы предоставлено и канадцам, если бы остров принадлежал другой державе.

По мнению Н. Фогельсон, канадское правительство проявляло нерешительность еще и потому, что его заботило применение «теории хинтерленда (периферии)»¹, согласно которой притязания русских на остров Врангеля обосновывались по праву географического расположения. Соответственно, обоснованными выглядели и претензии Канады на острова Арктического архипелага. И наоборот, оспаривая рос-

¹ Как замечает современный российский исследователь Д.А. Володин, границы этого «хинтерленда» совпадают с тем, что сейчас называют канадским арктическим сектором [5].

сийские (советские) владения, канадцы ставили под угрозу свои права на куда более важные для них арктические территории в Западном полушарии.

В итоге, В. Стефанссон, так и не получивший поддержки со стороны канадских властей, в 1921 г. снарядил частную экспедицию, которая завершилась в следующем году гибелью большинства участников. Широкое освещение темы в прессе, постоянное упоминание о быстром прогрессе в развитии авиации и радиосвязи, способствовало переосмыслению значения арктических территорий в США. Первоначально правительство США заявляло, что остров Врангеля безусловно является российской территорией, но ее следует временно взять под контроль до тех пор, пока в России не установится «стабильное правление». Впоследствии Госдепартамент США считал недопустимым возможный переход острова под британский или японский контроль, предпочитая оставить его России [3, p. 142; 5].

По признанию Н. Фогельсон, «шумиха вокруг острова Врангеля», возможно, не соответствовала его реальному значению. Тем не менее, заявления советских, американских и канадских властей заставили пересмотреть вопрос о правах на арктические территории каждой из стран, хотя одна лишь Россия «последовательно и догматично» настаивала на своем. Стефанссон, не желавший отказываться от своей оценки экономического потенциала Арктики, направил на остров Врангеля еще одну экспедицию, участники которой основали там временное поселение. В 1924 г. оно было ликвидировано командой советского судна «Красный Октябрь», водрузившей на острове красный флаг, конфисковавшей имущество канадцев и в целом — «осуществившей успешную оккупацию».

По признанию соотечественника Н. Фогельсон — американского историка Дж. Маккэннона, Советская Россия, которой потребовались годы для нормализации отношений с другими державами, столкнулась с

множеством трудностей в Арктике. Вплоть до 1934 г. она отказывалась подписывать Свальбардский договор как предвзятый и игнорирующий историческое присутствие России на Шпицбергене. На северо-востоке советское правительство (как и царское, в свое время) оспаривало притязания США на о-ва Беннета, Жаннетта и Генриетта. Все они были открыты и провозглашены американской территорией Дж. В. Де-Лонгом в 1881 г., однако русские всегда считали их частью Новосибирского архипелага. Только в 1990 г. США официально отказались от своих претензий. До установления дипломатических отношений с США Советский Союз также опасался посягательств на территорию Чукотки с территории Аляски — со стороны, как частных, так и государственных структур [6, р. 195–204].

Главным итогом этих споров явилось установление Канадой и СССР в середине 1920-х гг. арктических секторов с целью предотвращения экономической и научной экспансии со стороны других государств, граничивших с их северными территориями. Как заключает Н. Фогельсон, к 1930 г., несмотря на отсутствие признания со стороны США, «Арктика была эффективно разделена на сектора вдоль Полярного круга» [4, р. 162; 7].

В соответствии с секторальным принципом СССР и Канада провели свои морские границы до Северного полюса от самых восточных и самых западных оконечностей их арктического побережья. Такой подход вызвал критику со стороны тех стран, чье арктическое побережье не было столь протяженным [6, р. 195–204]. По заключению Л.Д. Тимченко, позиция СССР (как и современной России) в отношении секторального подхода не вполне ясна. В 1926 г. СССР объявил частью своей территории только земли и острова, находящиеся в пределах советского сектора, однако в дальнейшем использовал секторальные линии на переговорах с Норвегией и в соглашениях с США как удобный способ делимитации акваторий [7].

Политический и социально-экономический кризис, охвативший постсоветское пространство (включая Крайний Север) в начале 1990-х гг., заставил западных исследователей переосмыслить советский опыт, поставить под сомнение многие достижения «покорителей» Арктики. В работах голландца П. Хоренсмы и американца Дж. Маккэннона, опубликованных в 1990-х гг. и посвященных истории Советской Арктики, рассматривался социокультурный контекст «арктической эпопеи»: эволюция общественных представлений и «образа Арктики» в массовом сознании; вопросы идеологии и пропаганды, сформировавшей «Арктический миф»; выяснялась роль, какую играли в конструировании этого мифа власть и научное сообщество [8–11].

Монография П. Хоренсмы «Советская Арктика» увидела свет в Лондоне в 1991 г. Автор – сотрудник Института Восточной Европы Университета Амстердама. Книга представляет собой англоязычный перевод его диссертации «Северный фронт: советская политика за Полярным кругом с 1917 г. и ее связь с историей научных исследований», которую П. Хоренсма защитил в 1988 г. в Университете Гронингена [8].

По замечанию известного британского исследователя Арктики Т. Армстронга, одного из консультантов и рецензентов П. Хоренсмы, его книгу трудно отнести к определенной научной дисциплине. Исследование написано на стыке географии, истории, экономики, права и политологии. Особое внимание в книге уделяется анализу историографии – «разным способам подачи исторического материала», применявшимся исследователями [12]. Таким образом, для П. Хоренсмы, не имевшего свободного доступа в советские архивы, главным источником сведений по теме явились труды западных и отечественных историков (в первую очередь, М.И. Белова, В.М. Пасецкого и др.).

Основной темой, рассмотрению которой посвящено две трети книги, является развитие судоходства по Се-

верному морскому пути. По мнению историка, полярные исследования первых лет Советской власти были всего лишь продолжением царской политики (без снаряжения экспедиций на большие расстояния). Освоение Советской Арктики в 1930-1980-х гг. автор рассматривает в контексте процессов «сталинизации» и «десталинизации», полагая, что полярные исследования испытали на себе глубочайшее влияние сталинской эпохи [8, р. 1–5].

По мнению П. Хоренсмы, поворотным моментом в истории советских экспедиций, как и в других странах, стало использование авиации. Прокладка авиалиний повысила ценность Арктики, заставив пересмотреть все связанные с регионом политические и экономические идеи. Оккупация острова Врангеля экспедицией В. Стефанссона оставила особенно глубокий след. Тот факт, что канадцы были готовы пожертвовать жизнями ради колонизации северных островов, произвел на русских сильное впечатление. Пришло осознание того факта, что проведение научных исследований — единственный способ сохранить владения в Арктике.

Широкие слои населения восприняли эти идеи с воодушевлением, и полярные экспедиции вскоре приобрели популярность, сопоставимую с популярностью космических экспедиций 1960-х гг. Впрочем, до 1930-х гг. позиция СССР была очень невыгодной, о чем также свидетельствует правовая литература тех лет. Советское правительство рассчитывало, что секторальная теория будет принята во всем мире, но расчет не оправдался. В то же время СССР не мог (ни технически, ни финансово) принять участие в освоении новых авиамаршрутов в Арктике².

Инцидент с «Красиным» в 1928 г. в корне изменил ситуацию, доказав, что ледоколы оставались бо-

² Как пишет П. Хоренсма, своеобразной заменой этому было участие советских исследователей в аэроарктической экспедиции на дирижабле «Граф Цеппелин» в 1932 г., но перспективы таких экспедиций воспринимались с известным недоверием [8, р. 170].

лее надежным инструментом освоения. Советское правительство изменило свое отношение к полярным исследованиям еще и потому, что осознавало перспективы использования этих исследований для целей пропаганды. По мнению П. Хоренсмы, все это свидетельствовало о политической проницательности И.В. Сталина, сумевшего придать «политическое звучание» успешным арктическим экспедициям [8, р. 171]. Результатом явились впечатляющие пропагандистские кампании. Но это никоим образом не означало, что полярные экспедиции были всего лишь дорогостоящими «шоу». В их основе лежала очень прагматическая программа, обусловленная заботой СССР о сохранении суверенных прав в Арктике и военной обстановкой на Дальнем Востоке. Кроме того, полярные исследования были обусловлены политической необходимостью: в противном случае, норвежцы и американцы могли бы попытаться аннексировать некоторые советские территории.

Автор отмечает, что после 1934 г. объем издаваемой литературы о полярных исследованиях резко возрос. Главной темой этих изданий было сражение человека с природой, что хорошо вписывалось в коммунистическую идеологию. Кроме того, СССР мог гордиться отличными результатами, полученными с ограниченными средствами, что могло свидетельствовать о превосходстве его политической системы. Спасение экспедиции У. Нобиле в 1928 г. и плавание «Сибириякова» оказались возможными благодаря последовательному использованию ледоколов в климатически благоприятный период, но они имели колоссальный резонанс. Увязав этот успех с коммунистической доктриной, советское правительство получило новый вид пропаганды, когда сложные идеи сочетались с эмоциональным посылом [ibid].

Люди, которые при других обстоятельствах не поддались бы советской пропаганде, с огромным интересом читали о советских полярных экспедициях.

Политическое содержание такой пропаганды менялось. В начале 1930-х гг. она подчеркивала роль новой политической системы, которая делала новейшие экспедиции особенно интересными. Со временем получила широкое распространение идея о приоритете и непрерывности российского присутствия в Арктике. С тех пор в советской литературе, по словам П. Хоренсмы, царил «любопытный консенсус», характерный для сталинского периода.

Показательно, что и после смерти И.В. Сталина эта «генеральная линия» не изменилась. Такой «консерватизм» тем более примечателен, что в итоге он превратился, по мнению голландского историка, в тормоз на пути развития арктической историографии в СССР. В то время как на Западе общепризнанным трендом стало изучение климатологического фактора в истории, а в Советском Союзе первые подступы к данной теме сделал еще В.Ю. Визе в 1930-е гг., все же никто не последовал его примеру. По заключению П. Хоренсмы, это объяснялось идеологическими причинами. Климату никогда не отводилась роль решающего фактора в истории освоения Арктики, которая, как считалось, была покорена с помощью науки и техники, а также благодаря социальной организации более высокого порядка.

П. Хоренсма приходит к выводу, что сохранявшееся с 1930-х гг. представление о многовековом непрерывном освоении русскими Северного морского пути оставило свой отпечаток не только в историографии. Трудно определить, возникло ли это представление впервые в юридической или исторической литературе, но, в любом случае, оно оставалось у истоков различных правовых концепций и теорий, появлявшихся с течением времени и находивших применение в Арктике³.

³ По мнению исследователя, так было и с концепциями В.Л. Лахтина, и с «доктриной исторических вод», и с идеями П.С. Однопозова об использовании прямых исходных линий или идеями П.Д. Бараболи об исторических проливах.

Примечательно, что П. Витебски в своей рецензии на монографию П. Хоренсмы подверг справедливой критике размышления автора о «сохраняющемся националистическом и консервативном уклоне коллективной культуры» Советской Арктики и в постсталинскую эпоху — вплоть до «перестройки». По мысли П. Витебски, в этом случае предложенная П. Хоренсмой «аналитически неопределенная концепция сталинизма действительно провисает». Даже если отчасти она и верна, то объяснение сочетания национализма и консерватизма не следует искать только в России или сталинской эпохе. Более плодотворным, по мнению П. Витебски, было бы обращение к теории и понятию «империи». В целом подход, демонстрируемый П. Хоренсмой, не предполагает социологического или культурологического анализа, который позволил бы ему проанализировать «абстрактную сущность сталинизма» [8].

В 1990-х гг. американский историк Дж. Маккэннон, сотрудник Северо-Восточного Университета Луизианы (ныне — Университет Луизианы в Монро) опубликовал серию работ, посвященных истории освоения Советской Арктики в 1930-е гг. В отличие от П. Хоренсмы, Дж. Маккэннон опирался преимущественно на документальные источники из российских архивов (АРАН, РЦХИДНИ, РГАЭ, ГАРФ и др.). Соединив в своем исследовании подходы «новой социальной и культурной истории», автор стремился, с одной стороны, представить процесс исследования Советской Арктики как часть истории науки и технологий (соотнося с распространенными в изучаемую эпоху представлениями о покорении природы человеком). С другой, — показать, как «Арктический миф» стимулировал популярную культуру, превращая исследователей, ученых и авиаторов в героев для социалистической «фабрики грез», где индивидуальное и коллективное сознание объединялись в мечте о золотом «социалистическом будущем» [9–11].

В четырех из шести глав монографии, опубликованной в 1998 г., Дж. Маккэннон рассказывает об успехах и неудачах освоения Советской Арктики. Так, историк описывает наиболее известные экспедиции (в их числе — перелеты В.П. Чкалова и М.М. Громова; высадка на Северном полюсе в 1937 г. и др.), но основное внимание уделяет деятельности Главного управления Северного морского пути, созданного в 1932 г. По мнению автора, реальные достижения ГУСМП, за исключением нескольких ярких побед, были сравнительно скромными, а положение ведомства — довольно шатким, поскольку суровые условия Арктики повышали риск аварий, связанных с транспортом. Все это стало очевидным в 1937 г., когда практически вся экономическая деятельность в регионе была парализована из-за необычайно холодной погоды, а значительная часть флота оказалась зажатой во льдах. План выполнить не удалось, а ответственные за его срыв подверглись репрессиям.

В двух других главах книги (а также в серии ранее опубликованных статей) Дж. Маккэннон оценивает значение арктической тематики и образов в советской популярной культуре, анализируя содержание газетных статей, пьес, романов и даже современного фольклора [11].

По словам Дж. Маккэннона, «советские репрезентации арктических исследований сыграли важнейшую роль в конструировании общественного отношения к природе». Советский дискурс персонифицировал Арктику и превратил ее из простого географического пространства в реального антропоморфного оппонента. Если «борьба со стихией» была неотъемлемой темой советской культуры, то она достигла своего высшего выражения в Арктике [9, р. 15]. Опираясь на работы своего консультанта, известного американского историка М. Бассина (выпускника Калифорнийского университета в Беркли — одного из крупнейших центров «новой интеллектуальной истории» в США)

[13; 14], Дж. Маккэннон усматривал истоки такого отношения к природе в многовековой истории России. По его мнению, русские марксисты, соглашавшиеся с утверждением С.М. Соловьева о том, что для народов Восточной Европы «природа была мачехой», просто продолжали битву, которую вели многие поколения их предков. Одновременно в качестве проводников прогресса и модерна, марксисты всецело поддерживали тенденцию, превалировавшую на Западе и направленную на то, чтобы «приравнять покорение природы к победе гуманизма». С особой силой данная тенденция проявилась в XIX в., когда Запад пожинал плоды промышленной революции и установил беспрецедентный контроль над окружающей средой.

Дж. Маккэннон подчеркивает, что в России прометеизм (убеждение, что человек способен полностью преобразовать мир, в котором живет) получил особое распространение именно среди марксистов. Отвергая капиталистические основания промышленной эпохи, они с готовностью принимали веру в прогресс. А с этой верой приходило крайне пренебрежительное отношение к окружающей среде и одновременно — уважительное отношение к технике, что стало главными отличительными чертами русского марксизма и советского коммунизма. Основы такого взгляда на природу заложил в своих работах 1890-х гг. Г.В. Плеханов. Сосредоточившись на рассмотрении влияния природных условий на социальное развитие, он утверждал, что «открытые пространства» России были главным — и наиболее пагубным — фактором ее развития. По мнению Дж. Маккэннона, этот аргумент сильно напоминал известную «гипотезу фронта», выдвинутую американским историком Фредериком Тернером, но там, где Ф. Тернер выражал оптимизм, Г.В. Плеханов был пессимистом [9, p. 16–17].

Так, Ф. Тернер заявлял, что суровые условия американского «фронта» способствовали продвиже-

нию нации к величию, вынуждая людей быть находчивыми и сильными. Напротив, Г.В. Плеханов показывал, как российский «фронт» задерживал ее развитие. Открытые равнины оставляли Россию крайне уязвимой для атак со всех сторон. Избыток пахотной земли означал, что русским крестьянам не приходилось изобретать современные интенсивные приемы агрикультуры. Наконец, постоянные миграции русских по открытым пространствам задерживали развитие городского общества и культуры. Одним словом, силы природы обрекали Россию на постоянную стагнацию и недоразвитость.

Последователи Г.В. Плеханова также воспринимали природу как противника, которого нужно победить. Такое отношение сохранилось и после 1917 г., а на рубеже 1920-1930-х гг. достигло своего апогея. По заключению Дж. Маккэннона, с завершением первой пятилетки «воинственный утопизм» пошел на спад. Постоянно держать общество в состоянии крайнего напряжения было невозможно. Вскоре возникла новая эстетика — социалистический реализм. По мнению американского историка, соцреализм был не просто культурным течением, в 1930-х гг. он стал мировоззрением целой нации, великим современным мифом о сталинском обществе. По словам Дж. Маккэннона, в произведениях соцреализма «было мало самоанализа и еще меньше моральных сомнений», поскольку главная задача заключалась в том, чтобы изображать в «неизменно оптимистичной манере» героическую борьбу, направленную на строительство социалистического общества [9, p. 18].

При всех ограничениях, соцреализм восстановил определенный баланс в советском мировоззрении и предложил более сложный взгляд на природу. Не отвергая машину, соцреализм подчеркивал, что ею управляет человек. Человек боролся с природным началом не только вовне, но и в себе самом. В произведениях соцреализма сюжет развивается за счет диалектического про-

тивостояния между двумя качествами — «стихийностью» и «сознательностью». Первое присуще рабочему классу в его первозданном виде: обладающему огромной силой, но не способному контролировать ее или полностью реализовать свой потенциал. Второе отражает представление о зрелом, политически сознательном рабочем классе, чья мощь усилена дисциплиной и самоконтролем. Если целью социалистического движения было направить рабочий класс к синтезу стихийности и сознательности, то целью соцреалистического героя было объединение этих начал в самом себе [9, p. 19].

В 1930-е гг. утверждение социалистического реализма как официальных рамок для развития советского общества совпало с формированием «Арктического мифа», который метафорически ориентировал самовосприятие советских людей и восприятие ими окружающего мира. Образы полярных экспедиций и арктических поселений неуклонно создавались для того, чтобы представить макрокосмические панорамы образцового социалистического общества будущего. В то же время героизм полярников помог СССР поднять свой престиж в международных кругах и помог ему самому самоопределиваться как современной нации, как миролюбивой стране и одновременно — технологически продвинутой военной державой, готовой защищать свои границы, превосходя по силе любого противника. Намеренно или нет, «Арктический миф» превратился в одну из «дискурсивных арен», где практически совпали устремления государства, усилия пропагандистов и мечты народа [10].

Главным элементом «Арктического мифа» и социалистического реализма был положительный герой, добродетельный и следовавший строгому кодексу поведения. По мнению Дж. Маккэннона, в реальности далеко не все соответствовали этому строгому образцу. В большей степени его требованиям отвечали О.Ю. Шмидт, И.Д. Папанин, В.С. Молоков, Э.Т. Крен-

кель; в меньшей степени — М.В. Водопьянов. Самым любимым «народным героем», «родным» для каждого советского человека был В.П. Чкалов. Дж. Маккэннон доказывает, что герои Советской Арктики были не просто пассивными символами в пантеоне государственной пропаганды. Полярные знаменитости играли активную роль в формировании «Арктического мифа» и оказались довольно умелыми в определении собственного места в рамках новой культуры. Как заключает историк, увяданию «Арктического мифа» способствовало приближение войны: на смену подвигам полярников пришли военные подвиги.

По признанию О. Беле, одного из рецензентов книги Дж. Маккэннона, автор умело подает материал, сочетая «сухие» данные о деятельности ГУСМП с историями личного успеха и личными трагедиями ключевых деятелей. Автор сознательно использует термин «миф» в семиотическом смысле (т.е. как знаковую систему, охватывающую все аспекты самовосприятия культуры) и доказывает, что «распутывание и анализ набора тропов и тем, связанных с арктическим мифом, очень полезны для анализа более масштабной иконографии самого социалистического реализма» [11, р. 82].

По мнению О. Беле, данное утверждение излишне категорично, поскольку оно предполагает, что книга предлагает принципиально новый взгляд на советскую полярную культуру. Тем не менее, ничего нового о социалистическом реализме автор не сообщает. Учитывая, что Арктика функционально может быть заменена любым другим природным препятствием, его конструирующая роль в развитии социалистического реализма оказывается под вопросом. В итоге, сам Дж. Маккэннон признает, что ответ на вопрос, является ли «Арктический миф» одним из проявлений «соцреалистического мировоззрения» или «напрямую повлиял на формирование самого соцреализма», возможно, никогда получен не будет [11].

В работах американского историка П. Джозефсона, опиравшегося, прежде всего, на документальные источники из российских архивов (ГАРФ, ГААО и др.), выясняется, насколько пропагандистские лозунги и утверждения, звучавшие в советский период, соответствовали фактическим достижениям в деле освоения Арктического региона [15; 16]. Историк приходит к выводу, что разнообразные факторы затрудняли неизбежный, хотя и всегда трудный процесс «диффузии технологий» в Советской Арктике. Выбор направлений развития и скорость получения результатов определялась возрастом, видом и состоянием технических средств.

Старые, нередко ветхие, машины, двигатели, корабли и т.д. вряд ли могли эффективно работать в условиях Арктики, тем более учитывая планы сталинских пятилеток. В тех случаях, когда оборудование было иностранным, или же осталось с царских времен, для него было практически невозможно найти запасные части. Кроме того, процесс внедрения инноваций осуществлялся в централизованном порядке из исследовательских институтов Москвы и Ленинграда, что предопределило трудности адаптации технологий к местным геологическим, метеорологическим и социальным условиям.

Учитывая ограниченные бюджеты и конкуренцию между различными министерствами (со своими экономическими, политическими и научными интересами), принятое решение о развитии внедрении одних технологий ограничивало применение других. В случае с Советской Арктикой это диктовало неравномерное развитие разных регионов и отраслей в рамках общей технологической системы. Источники сообщают о железных дорогах с недостаточным подвижным составом и плохо оборудованными станциями; лесоразработках в условиях отсутствия дорог, тракторов, бульдозеров; деревнях без электричества и телефонов; рабочих, которым не предоставлялось качественное жилье.

Впрочем, повсеместно действовали два правила. Во-первых, внедрение новых технологий никогда не происходило так быстро, как планировалось. Во-вторых, за любые неудачи наказывали виновных: партийных начальников обвиняли в недостатке бдительности или, возможно, в контрреволюционных настроениях; ученых и инженеров — в некомпетентности или вредительстве, а чаще всего наказывали рядовых рабочих, обвиняя их в недостатке трудовой дисциплины. Значительное внимание историк уделяет вопросу об использовании труда заключенных [15, р. 438].

Джозефсон признает, что реформы в советском обществе, его политической и экономической сферах, начавшиеся после 1953 г., благотворно сказались на развитии Арктического региона, однако важнейшие черты командной экономики остались неизменными. К тому же покорение Арктики было очень дорогостоящим предприятием с финансовой, экологической и человеческой точки зрения. Большой проблемой оставалось загрязнение воды и воздуха. К числу негативных аспектов процесса автор относит и вынужденную адаптацию коренного населения Крайнего Севера к советским экономическим, социальным и культурным нормам. Отмеченные исследователем изменения в экосистемах и образе жизни населения Арктики сохраняются и в XXI в.

Таким образом, в современной англоязычной историографии освещается широкий круг проблем, связанных с историей Советской Арктики: проведение научных исследований, реорганизация системы управления и развитие экономики, проблемы экологии и коренного населения региона. Особое внимание уделяется геополитической и военно-стратегической проблематике, в частности, участию СССР в определении международно-правового статуса Арктического региона.

В условиях «культурного поворота» в историографии конца XX в. западные исследователи анали-

зировали роль идеологии и пропаганды в конструировании «Арктического мифа», значение последнего в советской массовой культуре. В отличие от своих предшественников современные историки активно работают в российских архивах. Это позволило им объективнее оценить реальные успехи и неудачи в истории освоения Советской Арктики, дало возможность обратиться к малоизученным темам: использованию труда заключенных в Арктике в 1930-1950-е гг., негативным последствиям хозяйственной деятельности человека для Арктической экосистемы, и др.

Обобщая исторический опыт освоения российской Арктики в XX в., большинство западных авторов сходятся во мнении, что эффективное решение многочисленных проблем региона невозможно без полноценного международного сотрудничества. Как представляется, результаты исследований, полученные западными историками, должны быть приняты во внимание отечественными специалистами.

Список использованной литературы

1. Коньшев В.Н. Арктика в международной политике: сотрудничество или соперничество? / В.Н. Коньшев, А.А. Сергунин. — Москва : Изд-во РИСИ, 2011. — 194 с.
2. Ананьев Д.А. Проблемы освоения Советской Арктики в освещении англо-американских исследователей 1930-1950-х гг. / Д.А. Ананьев. — DOI 10.17150/2308-2488.2019.20(3).454-479 // Историко-экономические исследования. — 2019. — Т. 20, № 3. — С. 454-479.
3. Fogelson N. The Tip of the Iceberg: The United States and International Rivalry for the Arctic, 1900-1925 / N. Fogelson // Diplomatic History. — 1985. — Vol. 9, no. 2. — P. 131-148.
4. Fogelson N. Arctic Exploration and International Relations, 1900-1932 / N. Fogelson — Fairbanks : University of Arctic Alaska Press, 1992. — 221 p.
5. Володин Д.А. Яблоко раздора: борьба России, Канады и США за остров Врангеля в 1920-е годы / Д.А. Володин // США и Канада: экономика, политика, культура. — 2019. — Т. 49, № 11. — С. 71-87.

6. McCannon J.A. A History of the Arctic: Nature, Exploration and Exploitation / J.A. McCannon. — London : Reaktion Books, 2012. — 349 p.

7. Timtchenko L. The Russian Arctic Sectoral Concept: Past and Present / L. Timtchenko // Arctic. — 1997. — Vol. 50, no. 1. — P. 29-35.

8. Horensma P. The Soviet Arctic / P. Horensma — London ; New York : Routledge, 1991. — 228 p.

9. McCannon J.A. To Storm the Arctic: Soviet Polar Exploration and Public Visions of Nature in the USSR, 1932-1939 / J.A. McCannon // Ecumene. — 1995. — Vol. 2, no. 1. — P. 15-31.

10. McCannon J.A. Positive Heroes at the Pole: Celebrity Status. Socialist Realist Ideals and the Soviet Myth of the Arctic, 1932-1939 / J.A. McCannon // The Russian Review. — 1997. — Vol. 56, no. 3. — P. 346-365.

11. McCannon J.A. Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union 1932-1939 / J.A. McCannon. — New York : Oxford University Press, 1998. — 234 p.

12. Armstrong T. [Review] / T. Armstrong // The Slavonic and East European Review. — 1992 — Vol. 70, no.3 — P. 577-578. — The Review: Horensma P. The Soviet Arctic. London ; New York : Routledge, 1991. — 228 p.

13. Bassin M. Turner, Solov'ev, and the "Frontier Hypothesis": The Nationalist Signification of Open Spaces / M. Bassin // The Journal of Modern History. — 1993. — Vol. 65, no. 3. — P. 473-511.

14. Bassin M. Geographical Determinism in Fin-de-siecle Marxism: Georgii Plekhanov and the Environmental Basis of Russian History / M. Bassin // Annals of the Association and American Geography. — 1992. — Vol. 82, no. 1. — P. 3-22.

15. Josephson P.R. Technology and the Conquest of the Soviet Arctic / P.R. Josephson // The Russian Review. — 2011. — Vol. 70, no. 3. — P. 419-439.

16. Josephson P.R. The Conquest of the Russian Arctic / P.R. Josephson. — London : Harvard University Press, 2014. — 456 p.

References

1. Konyshov V.N., Sergunin A.A. *Arktika v mezhdunarodnoi politike: sotrudnichestvo ili sopernichestvo?* [The Arctic in International Politics: Cooperation or Rivalry?]. Moscow, RISI Publ., 2011. 194 p.

2. Anan'ev D.A. Problems of the Soviet Arctic Development in the Works by Anglo-American Researchers of the 1930s-1950s. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic Histo-*

ry and History of Economics, 2019, vol. 20, no. 3, pp. 454–479. DOI: 10.17150/2308-2488.2019.20(3).454-479. (In Russian).

3. Fogelson N. The Tip of the Iceberg: The United States and International Rivalry for the Arctic, 1900-1925. *Diplomatic History*, 1985, vol. 9, no. 2, pp. 131–148.

4. Fogelson N. *Arctic Exploration and International Relations, 1900-1932*. Fairbanks, University of Arctic Alaska Press, 1992. 221 p.

5. Volodin D.A. Apple of Discord: Struggle of Russia, Canada and the USA for Wrangel Island in 1920s. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura = USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2019, vol. 49, no. 11, pp. 71–87. (In Russian).

6. McCannon J.A. *A History of the Arctic: Nature, Exploration and Exploitation*. London, Reaktion Books, 2012. 349 p.

7. Timtchenko L. The Russian Arctic Sectoral Concept: Past and Present. *Arctic*, 1997, vol. 50, no. 1, pp. 29–35.

8. Horensma P. *The Soviet Arctic*. London, New York, Routledge, 1991. 228 p.

9. McCannon J.A. To Storm the Arctic: Soviet Polar Exploration and Public Visions of Nature in the USSR, 1932-1939. *Ecumene*, 1995, vol. 2, no. 1, pp. 15–31.

10. McCannon J.A. Positive Heroes at the Pole: Celebrity Status. Socialist Realist Ideals and the Soviet Myth of the Arctic, 1932-1939. *The Russian Review*, 1997, vol. 56, no. 3, pp. 346–365.

11. McCannon J.A. *Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union 1932-1939*. New York, Oxford, Oxford University Press, 1998. 234 p.

12. Armstrong T. Review. *The Slavonic and East European Review*, 1992, vol. 70, no.3, pp. 577–578.

13. Bassin M. Turner, Solov'ev, and the "Frontier Hypothesis": The Nationalist Signification of Open Spaces. *The Journal of Modern History*, 1993, vol. 65, no. 3, pp. 473–511.

14. Bassin M. Geographical Determinism in Fin-de-siecle Marxism: Georgii Plekhanov and the Environmental Basis of Russian History. *Annals of the Association and American Geography*, 1992, vol. 82, no.1, pp. 3–22.

15. Josephson P.R. Technology and the Conquest of the Soviet Arctic. *The Russian Review*, 2011, vol. 70, no. 3, pp. 419–439.

16. Josephson P.R. *The Conquest of the Russian Arctic*. London, Harvard University Press, 2014. 456 p.

Информация об авторе

Ананьев Денис Анатольевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, сектор истории

второй половины XIX — начала XX в., Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: denis.ananyev@gmail.com. ORCID: 0000-0001-9448-8454; SPIN-код: 9237-3403; AuthorID: 616778.

Author

Denis A. Anan'ev — PhD in History, Senior Researcher, Sector of History of the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, the Russian Federation. E-mail: denis.ananyev@gmail.com. ORCID: 0000-0001-9448-8454; SPIN-код: 9237-3403; AuthorID: 616778.

Для цитирования

Ананьев Д.А. История освоения Советской Арктики в освещении англоязычной историографии конца XX — начала XXI века / Д.А. Ананьев. — DOI: 10.17150/2308-2488.2020.21(4).577-601 // Историко-экономические исследования. — 2020. — Т. 21, № 4. — С. 577–601.

For Citation

Anan'ev D.A. The History of the Soviet Arctic Development in the English-Language Historiography of the Late 20th and the Early 21st Centuries. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2020, vol. 21, no. 4, pp. 577–601. DOI: 10.17150/2308-2488.2020.21(4).577-601. (In Russian).